

НЕСВЯТОЙ ОЛЕГ ЕВРОПЕЕЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Несвятой

Европеец

«Автор»

2025

Несвятой О.

Европеец / О. Несвятой — «Автор», 2025

Роман "Европеец" - это остросюжетная криминальная драма, погружающая читателя в атмосферу Испании конца 90-х годов прошлого века. Трагичная по своей сути история, основанная по большей части на реальных событиях, "сдобрена" хорошей порцией иронии и юмора, которые помогают героям выжить в сложных ситуациях. В книге есть чиновники и бандиты, грязная европейская политика и работа иностранных спецслужб - в общем, всё то, с чем сталкиваются люди, посвятившие свою жизнь праву и международным отношениям. Но главная тема, которая проходит через весь роман - это противостояние западного и русского менталитетов, не потерявшее актуальности и сегодня. Чтобы понять всю глубину конфликта, необходимо интегрироваться в европейское общество, но не раствориться в нем, не потерять свою идентичность, не превратиться в пятую колонну. Может ли русский человек стать настоящим европейцем? Узнаем чуть позже, а пока добро пожаловать в весенний Мадрид 1999 года.

© Несвятой О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Олег Несвятой

Европеец

ЧАСТЬ I

Это не Рио!

Самолёт коснулся взлетной полосы и начал резко гасить скорость. За окном показалась стройная череда красно-жёлтых "птичек" Иберии, уткнувшихся тупыми носами в стеклянный терминал аэропорта Барахас.

Ник прильнул лицом к стеклу, разглядывая удивительно чистый асфальт. После грязного московского снега, буксующих машин и пронизывающего холода он ощутил себя где-то возле Адама с Евой, и не потому, что сидел рядом с уже раздетыми почти догола туристами, а потому что в раю.

В голове крутилась бессмертная фраза Остапа Бендера: "Да, это не Рио-де-Жанейро!". Конечно, это не Рио с его грязью и трущобами! Это намного лучше! Это сердце Испании! Это Мадрид!

Стюардесса повернула красную ручку массивной двери боинга, и в салон ворвался вкусный весенний воздух. И неважно, что январь. Для истерзанного серостью и холодом организма это была весна, и даже почти лето, если немного приукрасить.

Но приукрашивать времени не оставалось. Надо было готовиться к первому серьёзному испытанию на сегодняшний день – встрече с испанскими пограничниками.

Ник помнил чёткие инструкции московского турагента Владимира: у вас могут потребовать предъявить наличные, так что держите их под рукой. Для удобства предъявления деньги были разменяны на десятидолларовые купюры и разложены в стопочки по дням.

За стойкой сидел смуглый пограничник и подозрительно улыбался. "Не пустит, гад!" – с волнением подумал Ник и во избежание вопросов сразу вывалил пачку купюр на стойку паспортного контроля. Где-то хлопнула дверь, и сквозняк за секунду превратил бумажки в зеленое облако.

С такой помпой в Испанию ещё никто не въезжал. Пограничник открыл рот и не закрывал его до тех пор, пока полуголые соседи по самолёту не помогли Нику собрать всё обратно в пачку и даже подарили резиночку, чтобы больше не разлеталось.

"Он мне взятку, что ли, хотел дать?" – спросил недоуменно один пограничник другого. "Да нет, это же русские! Любят повыделываться!" – ответил другой и пожал плечами.

Не глядя в паспорт, пограничник щёлкнул печатью, попал себе по пальцу, чертыхнулся и показал жестом, чтобы Ник проходил.

За скрипучей железной дверцей его ждал новый неизведанный мир и ещё одно испытание, которое в белой плиссированной юбке уже ждало его у выхода.

Света

Свете было далеко за сорок, поэтому технически называть её Светой было непозволительно распушенностью. Однако она сразу расставила все точки над "i":

– В Испании на «вы» обращаются только к древним бабкам, а отчеств здесь вообще нет, – отрезала она вместо "здрасьте".

– А по фамилии можно? – зачем-то сглупил Ник.

– Ага, можно. Мармонтель Аристисабаль к вашим услугам, – хохотнула Света и повела его на стоянку автомобилей.

Розовый «Рено», который госпожа Мармонтель называла на испанский манер «ренаульт», выглядел несуразной кляксой на фоне серо-синей череды скучных «Сеатов» и «Опе-

лей». Нику было стыдно даже садиться в такую жевательную мармеладку с детских утренников, но он героически стал запихивать свой чемодан в микроскопический багажник.

Света вела машину эмоционально, вскидывая руки и ругаясь непонятными Нику словами. Таким выражением его в университете не учили. "Хилипойас", – чётко выговорила она очередному подрезавшему ее водителю. «Что-то очень неприличное», – подумал Ник, но лишних вопросов задавать не стал, памятуя о сказанной глупости про фамилию.

Только спустя много лет он узнал, что выражение происходит от имени испанского курора Балтазара Хиля и его дочек-ципочек (по-испански «пойас»), которых он безуспешно пытался выдать хоть за кого-нибудь замуж.

Впрочем, в тот момент задумываться об этимологии испанского мата у Ника времени не было. Тем более что они уже входили в Светину квартиру.

«Французский вонь»

Первым делом Света представила Нику своего мужа Луиса Мармонтеля Аристисабалю, сына француза и баскской террористки.

Его мать в конце 60-х пыталась в Испании что-то взорвать и сбежала потом во Францию, где влюбилась в бургундского фермера Мармонтеля. Многие бойцы ETA¹ искали безнаказанности за пределами собственной страны, не сильно задумываясь над тем, что им, борцам с диктатурой Франко, приходилось скрываться у другого диктатора Де Голля.

Луис вырос в интернациональной семье, поэтому во взрослой жизни решил продолжить коллекционировать международные отношения и на выставке туризма в Москве познакомился с гидом Светой.

Его поразил тот факт, что по российским законам жена в браке может взять фамилию мужа. В Испании такого не существовало, зато на просторах бывшего СССР – пожалуйста. Так что Света не соврала по поводу своей фамилии.

Чуть менее существенной причиной брака стало то, что, по утверждению Луиса, русские женщины более страстные, чем испанки и француженки вместе взятые. Как оказалось, супруги находились ещё в статусе молодоженов, поэтому в свою первую ночь в Испании Нику пришлось до самого рассвета слушать доказательства утверждения Луиса о русских женщинах.

А еще Мармонтель был верен своим французским корням, и это проявлялось сразу в двух вещах: фигурке галльского петуха на комодике и пристрастии к ужасно пахнущему сыру.

Света называла этот сыр "французский вонь". Когда Ник осторожно возразил, что вонь должна быть «французская», так как женского рода, Света сказала, что вонь, может, и женского, а смрад от сыра точно мужского. «Только мужчина может так вонять, – сказала она, – так что не учи меня согласовывать рода».

Очень скоро "французский вонь" приобретёт для Светы совсем другое значение, так как у Луиса проявится ещё одна национальная французская черта: забывчивость.

Вы помните, как французы в XVIII веке сначала победили монархию, отрезав голову бедному Людовику, а потом про это забыли и почти сразу же сделали монархом Наполеона? Вот и Луис, как оказалось, "забыл" Свете перед свадьбой кое-что рассказать.

Но обо всём по порядку. А пока Ник давился вонючим сыром, изображая гастрономический оргазм, и думал о следующем испытании, ради которого он и приехал в испанскую столицу.

¹ ETA (Euskadi Ta Askatasuna, в переводе с баскского «Страна Басков и свобода») – баскская леворадикальная националистическая организация сепаратистов, выступавшая за независимость Страны Басков – региона, расположенного на севере Испании и юго-западе Франции. Организация объявила о своем роспуске 3 мая 2018 года.

Ниту

Для выросшего в СССР мальчика образовательный процесс делился на три незыблемых этапа: школа – институт – аспирантура. Это потом школы для взрослых в интернете стал создавать каждый второй "кнопкотык", а пока для Ника было непонятно, как школой может называться высшее учебное заведение.

Но именно ради обучения в такой странной школе Ник приехал в Мадрид, и на её пороге он столкнулся с огромным темнокожим мужчиной, который улыбнулся, как показалось тогда Нику, всеми шестьюдесятью четырьмя зубами – настолько ослепительно-белой была эта улыбка на фоне угольно-черного лица.

– Ниту, – сказал непонятное слово мужчина и, не дождавшись ответа от растерявшегося Ника, пошёл в глубь здания. Из его кармана выпал разноцветный билетик на представление всемирно известного «Цирк дю Солей», реклама которого висела по всему Мадриду.

Пока Ник разглядывал билетик, его владелец исчез из виду, и пришлось нести потерянную бумажку в школьную администрацию.

– Тут на входе один нег..., – начал Ник и тут же осёкся: в голове сработала вбиваемая годами установка не называть негров неграми. – Тут на входе один афроамериканец, – поправился он, – билет в цирк потерял.

Секретарша вытаращила глаза и удивительно тихим для испанки голосом сказала:

– Он вообще-то из Анголы, а не из Америки, – и что-то пометила себе в тетрадке.

«Как слон в посудной лавке, – подумал Ник, досадуя на себя. – Не хватало ещё расистом опаздывает на свою первую лекцию. Заторопившись, Ник уже через пару минут резко толкнул дверь с табличкой "Зал N 2". Однако открыть её до конца не удалось. Что-то мягкое возникло на пути и громко ойкнуло.

Оказалось, что анголец тоже опоздал на занятия и теперь стоял под дверью, не решаясь пройти за парту посреди лекции. Он держался за ушибленное плечо и пристально смотрел на вошедшего. «Ну всё, теперь меня отправят на учебу разве что в Ку-клукс-клан», – подумал Ник, представив себя в белом балахоне где-нибудь в Северной Каролине.

Однако африканец опять ослепительно улыбнулся и ещё раз повторил:

– Ниту, – а потом вдруг добавил на хорошем испанском с лёгким португальским акцентом: «Меня зовут Ниту, а тебя?» – и протянул черную руку с неестественно белой ладонью.

Так началась первая в жизни Ника интернациональная дружба.

Сила Европы

– Международная дипломатия требует от нас открытого мышления и способности интегрироваться в любую культуру, – вещал пожилой профессор с удивительной для его возраста военной выправкой, – если вам ради дипломатического диалога придется принять, например, правила жизни воинов племени масаи, вы не задумываясь должны это сделать.

Ник с ужасом представил, как ему растягивают мочки ушей до плеч и поят коровьим молоком с кровью. Заниматься международной дипломатией резко расхотелось, но Ник взглянул на сидевшего рядом Ниту и устыдился своей минутной слабости.

– Сила Европы заключается в нашей толерантности, – продолжал профессор. – Те же масаи десятилетиями не могут договориться со своими ближайшими соседями, а мы можем договориться и с теми и с другими именно потому, что способны понять и принять их особен....

Микрофон пронзительно загудел, и профессор стал стучать по нему длинным пальцем.

– Позови этого бездельника завхоза, раздраженно приказал он своему помощнику. Через пять минут в зал вошёл коренастый латиноамериканец с непропорционально длинными руками и короткими ногами.

«Вот ещё один пример того, с кем вы так замечательно "договорились"», – злорадно подумал Ник, но вслух произнес другое:

– Простите, профессор, пользуясь технической заминкой, позвольте спросить: говоря про масаев, почему у Кении до сих пор нет посольства в Испании?

Профессор слегка растянул губы в некоем подобии улыбки и с подозрительной доброжелательностью произнес:

– Судя по акценту, вы и есть тот самый русский?

«Какой "тот самый"?» – подумал Ник, с нетерпением ожидая продолжения. «Тот, что отправил ангольца в цирк? Неужели успели доложить?» – бешено завертелось у него в голове.

– У нас с вами, я имею в виду русских и испанцев, много общего, – продолжил профессор, – например, терпение: мы долго терпели в течение XX века, так что сделайте одолжение – потерпите ещё немного, пока мы не начнем разбирать отношения между Испанией и странами Восточной Африки.

Армен

В субботу открывать глаза категорически не хотелось. Звуки просыпающегося Мадрида доносились как будто из-под воды. На фоне этой утренней невнятности голос Светы прозвучал на удивление громко и четко: «Вставай, тебе Армен звонит».

Армен был давним хорошим клиентом московского бюро, в котором работал Ник. Если бы кто-то захотел написать портрет мафиозного босса из России девяностых, то лучше экземпляр сложно было бы отыскать. Толстый живот удивительным образом сочетался с уверенностью в собственной мужской неотразимости, а умение договариваться – с тотальным неумением говорить.

– Ты, это, здорово, знаешь, в общем, как это, слушай сюда, – услышал Ник голос Армена сквозь громкую музыку и подозрительное женское повизгивание. – У нас тут терки с одним местным фраером, он ни хера по-нашему не бакланит, тут шмара какая-то ему переводит – криво, и за базаром не следит. Короче, ты метнись, билет в Барселону купи на 11, я тебе лаве потом дам, много лаве, вечером жду.

И повесил трубку.

С одной стороны, Ник никуда ехать был не обязан, но "много лаве" и бесплатное путешествие на море склонили чашу весов в пользу небольшого приключения.

И вот уже огни вокзала «Сантс»² замелькали в синей дымке второго по величине испанского города. Пахло морем и праздником, но внезапно возникшая уркаганская физиономия помощника Армена Паши вернула размечтавшегося Ника на бренную Землю. «Поехали», – коротко сказал он и хрустнул мощной шеей, вернее, полным её отсутствием.

Армен возлежал на мягком кресле у пляжного ресторанчика, которое услужливый хозяин поставил для дорогих гостей прямо на песок возле кромки воды. Рядом стоял длинный диван, на котором между двумя накачанными "шестерками" Армена сидел, как раздавленная сосиска, очкастый испанчик бухгалтерского вида.

Армен встретил Ника как старого друга и барской рукой плеснул ему красного вина в бокал для мартини:

– На, пей, дорогой, а то тут без пол-литра не разберешься, – хохотнул он и с довольным видом погладил живот, прорвавшийся сквозь разъехавшуюся от нелегкой жизни рубашку.

Он начал что-то говорить про какой-то таймшер, «скрысяченные бабки» и «очкастого петушару», но Ник его уже не слушал. Из основного здания ресторана, держа в руках изящные тувельки на каблуках, осторожно ступая по тёплому песку босыми ногами и придержива-

² Главный вокзал Барселоны.

вая простенькое синее платьице от порывов вечернего зюйд-веста, вышла ОНА и направилась прямо к Нику.

– Привет, меня зовут...

Натали

– Гы-гы-гы, – вернул Ника в бурлескную реальность голос Армена, – а вот и толмачка наша припылила. Ща мы ей устроим экзамен по испанскому.

– Заткни пасть, животное, – отрезала Натали и грациозно уселась рядом с "шестерками" и испанским бухгалтером-сосиской.

Ник довольно хорошо знал обо всей важности поддержания авторитета среди членов криминальной организации, поэтому ждал неминуемой бури, но Армен отреагировал на удивление спокойно:

– Я её пацанам на круг отдам, но опосля того, как побазарим. Вишь, как нарывається? Видно, *хоцца* очень, – и опять гаденько засмеялся.

В это время очнулся очкастый и быстро начал говорить, коверкая на каталонский манер мягкую "л":

– Я им уже много раз говорил, что таймшер – это поочередное *поЛзование* одной квартирой *нескоЛкими владеЛцами*, что у меня всё по закону, а он не понимает: выкинул с балкона того, чья сейчас очередь, прямо в бассейн вместе с собачкой. Собачка в бассейн не попала. Ушиблась. В ведерке для *Лда* сейчас.

– Урод, – пожалала плечами Натали и отвернулась.

– Перрито, перрито³, – передразнил Армен. – Скажи, что я ему другую шавку куплю. Эта покоцанная совсем. Только пусть проваливает из моей квартиры.

Ника пять лет в университете учили примирять разность менталитетов, но как привести к единому знаменателю орангутанга и сосиску, он не знал, поэтому окинул быстрым взглядом набережную. По ней медленно ехала машина каталонских *моссос*⁴.

Ник повернул голову к очкастому и буквально по слогам сказал ему по-испански:

– Кри-чи!

Тот вытаращил глаза, и Ник вынужден был повторить ещё раз:

– Кричи, сука, а то тебя убьют прямо здесь и сейчас!

И каталонец неожиданно для своей тщедушной комплекции громко заголосил. «Шестерки» Армена накиннулись на него, пытаясь заткнуть рот широким бокалом для мартини.

Образовалась куча-мала. Ник схватил Натали за руку и рявкнул: "Бежим!" Синее платьице вздулось от ветра, как парус. Песок летел, как будто из-под колес пустынного багги. Уркаган Паша бросился было вдогонку, но из машины уже вышли, покачивая дубинками, двое рослых полицейских.

– Там, там... человека убивают, – задыхаясь прохрипел Ник.

Один из *моссос* что-то нервно стал кричать в рацию, доставая из кобуры пистолет. "Шестерки" бросились врассыпную, и только Армен, как и положено большому человеку, остался неподвижно лежать в своём кресле. Он знал, что Ник на него смотрит, и сделал характерный жест большим пальцем по горлу.

Вдали послышался вой сирен. Ник обернулся к Натали:

– Надо бы ещё пробежаться.

Она хмыкнула:

– Босиком или на каблуках? Ты издеваешься?

³ Собачка (исп.).

⁴ Местная полиция в Каталонии.

И они просто пошли вглубь города. Никто их не преследовал.

Испанка из Рязани

Они сидели в маленьком кафе неподалеку от улицы Рамблас – главной туристической улицы Барселоны. Уже настала ночь, но народу вокруг было целое море.

Рядом сидели пьяные итальянцы, отмечавшие мальчишник. Женские трусы поверх джинсов и силиконовые груди привлекали внимание праздной толпы.

– Ты давно в Испании? – спросил Ник.

– Мои родители переехали сюда из Рязани, когда мне было 6 лет, – ответила Натали.

– Иммигранты?

– Нет, почему. Мой папа испанец.

Ник аж поперхнулся.

– Как это?

– Да вот так, семья его матери бежала в 38-ом от Франко, а потом...

Неожиданно у жениха из итальянского мальчишника лопнула накладная грудь. Ор и без того шумных потомков римлян превысил децибелы рок-концерта.

Разговаривать стало невозможно, поэтому Ник и Натали встали и пошли вглубь Готического квартала⁵. Рестораны уже закрылись, и здесь было относительно спокойно.

– А ты какими судьбами здесь? – спросила Натали.

– Я? – Нику почему-то захотелось рассказать ей всю свою жизнь, но для этого было явно не место и не время, поэтому он коротко ответил:

– Я учусь в Испании международной дип.. толерантности, – поправился он и улыбнулся, вспомнив бедного Ниту.

Однако Натали было не смешно. Она, похоже, обиделась:

– Не хочешь – не говори. Лучше скажи, откуда ты знаешь этих придурков и что мне теперь делать. Они меня через переводческое агентство нашли, я там подрабатываю, а у агентства есть адрес квартиры, где я живу с мамой.

– Только с мамой? А папа? – удивился Ник.

– Папа уехал в Саламанку к своей новой пассии – практически умер для меня, – Натали как-то очень по-детски шмыгнула носиком и отвернулась.

– Сочувствую, – искренне сказал Ник. – Мы можем снять квартиру в Мадриде вместе с твоей мамой. Уверен, что Армена с компанией либо выдворят, либо посадят, а мы переждём немного, пока всё устаканится.

– Ты совсем придурок? – воскликнула Натали. – У нас здесь вся жизнь, друзья, родственники, мамина работа и моя учеба! Куда я поеду?

В её карих глазах появились гневные искорки. Но Ник уже забыл, о чем они говорили, и как парализованный просто стоял и любовался её тонкими чертами, густыми каштановыми волосами и сморщившимся от возмущения носиком.

– Отвези меня в Тоссу⁶, – махнула рукой Натали.

В такси они ехали молча. Эмоциональное напряжение схлынуло, и навалилась типичная в такой ситуации усталость. Позади остались порт, гора Монжуик с её разноцветными огоньками и острые башни собора «Саграда Фамилия».

Через час с небольшим вдалеке показались стены средневековой крепости.

– Останови здесь, – громко приказала таксисту Натали. Она повернулась к Нику и пронзительно посмотрела ему в глаза.

⁵ Центральная и самая старинная часть Старого города Барселоны.

⁶ Курортный городок под Барселоной, полное название Тосса-де-Мар.

– Я тебя не знаю, не знаю, какое отношение ты имеешь ко всем этим людям. Может, ты с ними заодно. Поэтому как раз сейчас ... настало время ещё немного пробежаться.

И, резко открыв дверь, бросилась в темноту.

Ник попытался выскочить следом за ней, но таксист крепко схватил его за штаны:

– С вас 10.000 песет!

Натали растворилась в узеньких улочках старой Госсы, как потухший светлячок в густой траве.

– Видимо, уже 20.000 песет, – расстроено вздохнул Ник. – Поехали обратно!

Понедельник

Утро понедельника началось так, как начинаются понедельники почти везде и всегда, то есть плохо, ужасно, отвратительно.

В 8 часов на пороге комнаты, где спал Ник, появилась Света и заявила, что он должен найти себе жилье и съехать в ближайшие дни.

Когда Ник спросил, что случилось, она рухнула на диван и неожиданно расплакалась, а когда немного успокоилась, сквозь слезы поведала следующее:

– Пока ты ездил спасать свою Дульсинею Рязанскую (кто это ей, интересно, доложил?), Луис вчера заперся на полдня в туалете и, скорее всего, с кем-то там переписывался по СМС.

– Может, сыр просроченный был? – с надеждой спросил Ник, но Свету опять стали душить слезы.

– У него кто-то есть, и-и-и-и-и, я точно знаю, и-и-и-и-и, нашел себе очередную шалаву.

Про "очередную" прозвучало двусмысленно, но Ника интересовало совсем другое:

– А кто тебе рассказал про Натали?

Света непонимающе уставилась на него:

– Натали? Кто такая Натали? А-а-а... Армен звонил, сказал, что ты у него какую-то бабу из Рязани увел, но он тебя совсем убивать не будет, только помучает, если ты ему быстро позвонишь и расскажешь, где она. Вот телефон!

И протянула ему вымоченную в слезах бумажку.

– Ты бы поосторожнее с ним – сам знаешь, что он за человек.

Однако долго думать о чужих проблемах у Светы не получилось. Мысли о вероломном сыне француза опять нахлынули на нее и выплеснулись наружу очередным пронзительным «и-и-и-и-и».

Ник вскользь бросил взгляд на номер телефона Армена. Это был испанский мобильный. «Значит, не в тюрьме», – с грустью констатировал Ник и пошел собираться в школу.

«Хочу донну!»

Лифт несколько раз дёрнуло, и двери со скрежетом открылись. На пороге квартиры Ника ждал высокий сутулый парень в несурзальной вязаной кофте. В нос ударил сильный дрожжевой запах вперемешку с чем-то съестным и протухшим.

– Заходи, заходи, – сказал парень по-английски и провел Ника в маленькую комнатку с видом во двор-колодец. – Я Стив, и тут всё просто, – затараторил он с сильным американским акцентом. – Кровати нет, но есть два отличных матраса, комната небольшая, но есть твоя личная ванная, я американец, но ..., – тут он замешкался, и Ник ему помог:

– Но русские и американцы – братья навек, так?

И оба рассмеялись.

– А ещё у нас тут живёт Ильдефонсо, но его сейчас нет.

«Сплошные противопоставления», – подумал Ник. Однако про главное "но" Стив не сказал. Впрочем, оно само про себя рассказало красноречивее любых слов: на кухне вдоль стены стояло двадцать пустых литровых бутылок широко известного в узких кругах мадридского пива *Mahou*.

– Это меня немного расслабляет, – смущенно пояснил Стив, – а то задолбался я уже этих испанцев учить.

– Учить пиво пить? – съязвил Ник.

– Нет! Английскому, – не понял сарказма американец. – В общем, селись когда хочешь, но бабки давай сейчас, – закончил он разговор.

Ник уже собрался было покинуть американского "брата" навсегда, но тут в квартиру вкатился маленький и круглый во всех местах мужичок.

– Хочу донну⁷, донну хочу я, – на манер оперного певца пробасил он. – Стив, придурок, вынеси ты уже свою артиллерию на помойку!

Тут он увидел Ника и сразу же расплылся в улыбке, энергично протянув ему пухлую руку.

– Я Ильде. Мясо любишь? Донну хочешь? По глазам вижу, что хочешь! Значит, поладим.

Ильдефонсо

Ильде был буквально соткан из противоречий. Он много лет ходил по квартирам и продавал людям энциклопедии, не прочитав при этом за свою жизнь ни одной книжки.

Справедливости ради надо сказать, что многие клиенты Ильде книг тоже не читали. Ник с огромным удивлением узнал, что в Испании энциклопедии использовались как элемент декора и продавались по большей части вместе с каким-нибудь новомодным пылесосом.

С "доннами" у Ильде тоже было негусто. Он уже 20 лет жил в браке со своей Альфонситой, которую нежно любил и которой постоянно привозил в подарок в родную деревню под Сеговией⁸ какой-нибудь очередной "звездный" продукт из своего ассортимента.

Правда, на пятом году брака Альфонсита возненавидела энциклопедии и начала ими жестоко дубасить своего благоверного. Зато вспомогательные продукты знаний в виде пылесосов и соковыжималок пришлось ей очень даже по вкусу.

– Скажи мне, друг Ильдефонсо, нет ли у тебя каких-нибудь знакомых в Барселоне? – начал издали Ник. Как и многие коренные испанцы центральной части Иберийского полуострова, Ильде очень любил каталонское побережье, но не очень любил каталонцев. Он искренне считал, что если заселить Каталонию, например, жителями Мадрида, то она бы от этого сильно выиграла.

– В Барселоне? В этом рассаднике жмотов? Да у меня там лепший кореш живёт. Мы с ним коллеги, только я всё больше по энциклопедиям, а он туристам тимсэры впаривает, – радостно сообщил Ильде. – Деньги постоянно зажимают, но всё равно больше заработать получается, чем на книжках.

– Тим ... что? – удивленно переспросил Ник.

– Тимсэры! Это когда одну и ту же квартиру десять раз продать можно, – пояснил Ильде.

– А-а, таймшеры! – догадался Ник.

Про испанскую привычку приспособливать иностранные слова Нику рассказывали ещё в университете. Так, например, «Ромео и Джульетту» написал известный английский поэт Секеспеаре, а «Графа Монтекристо» – Александр Дюмас.

Но как бы то ни было "лепший кореш" Ильдефонсо был как нельзя кстати.

⁷ Женщина (итал.).

⁸ Город в Испании.

– Мне там одну девушку-переводчицу надо найти, – пояснил Ник. – Она, возможно, попала в беду. Поможешь?

Ильде аж просиял:

– Ага! Всё-таки донну хочешь! А то я уж, грешным делом, подумал, что ты этот, как его, радужный, – тут он спохватился и добавил:

– При всем моем уважении к ним и этой, как его, торе..., торелантности.

– Так сможешь? – вернул его к интересующей теме Ник.

Ильде хлопнул его по плечу:

– Не парься! Конечно, помогу! Как ее фамилия?

– Я не знаю, – расстроился Ник.

– А фотка есть?

– Нет.

– И адреса ее ты тоже, конечно, не знаешь?

– Нет, но..., – тут Ника осенило, – она тимсэры русским помогает продавать – переводит.

Ильдефонсо обрадовался:

– Вот это дело! А то без фамилии и фотографии пришлось бы тебе какую-нибудь запасную донну искать, на время, так сказать, технической паузы в отношениях.

– Не надо мне запасную, – буркнул Ник, – да и отношений у нас никаких нет.

– Не чпокнул ещё, а уже Монжуик⁹ решил ради неё свернуть?! – Ильде осудительно поцокал языком. – Ну ничего, дело поправимое! Пойдём пока мяска поедим, а то, чувствую, совсем я отощал за утро.

Ник удивленно взглянул на его свешивающийся через ремень живот, но промолчал.

«Акуна патата»

Если хочешь понять ритм жизни страны, спроси сколько там длится обеденный перерыв.

Например, в США обедают от 20 до 30 минут, в России – час, а в Испании ... в Испании это понятие растяжимое. Нику нужно было ещё делать домашку, но Ильде явно не торопился. На вопрос когда закончится обед, он, поглаживая живот, назидательно произнес:

– Вот когда ужин начнется, тогда и обед закончится. Транки!¹⁰

Как рассказал Ильде, все обеды в Испании делятся на обычные, то есть с бутылкой вина и травяной самогонкой после еды, и с копами. Нет, полицейские здесь ни при чем. Копами испанцы называют узкие длинные бокалы для коктейля, состоящего обычно из рома и кока-колы.

Этот коктейль ещё называют «кубатой» от названия «Куба либре», или «Свободная Куба», в честь появления американской газировки на Острове Свободы.

За всю историю США кока-кола была самым гуманным способом кого-нибудь "освободить", однако Ника "волшебные пузырьки" припечатали совсем не по-детски. Иными словами, «накубатились» они эпично.

– Понимаешь, Ильде, я влюбился, в первый раз в жизни по-настоящему влюбился, – лепетал он заплетающимся языком. – Она такая! Понимаешь? Такая утонченная!

– Понятное дело, тощая, – по-своему понял Ильдефонсо. – Эти каталонские жмоты, небось, не кормят её совсем. То ли дело в Мадриде! – и он жестом хлебосольной Матрёны указал на стол.

⁹ Гора в Барселоне.

¹⁰ Спокойно (исп. сленг).

Про стол следует сказать отдельно. Ильде предпочитал обедать в так называемых мясных буфетах. Там ты платишь фиксированную сумму, и тебе приносят столько мяса, сколько можешь съесть.

Хитрость хозяев заключается в том, что сначала подают сытную свинину, и неподготовленные посетители наедаются в первые пятнадцать минут.

Однако у Ильде был свой способ облапошивать буфет. Он приносил с собой в сумке контейнер "для любимого четвероного друга" и "сдувал туда пену", то есть прятал первое жирное мясо в ожидании более ценных баранины и телятины.

Под "четвероногим другом" подразумевался сосед Стив, который действительно под вечер часто терял присущую «хому сапиенс» прямопу хождения и даже в туалет передвигался на четвереньках, чтобы "избежать всяких *факапов*¹¹ с неудачно расставленной по квартире мебелью".

– Короче, – стал наконец собираться к выходу Ильдефонсо, – ты не переживай. Как там в песне поется? «Килиманджаро, *акуна матата*»¹².

– Вообще-то, «*акуна матата*»¹³, – возразил с улыбкой Ник.

Ильде усмехнулся:

– Это на Килиманджаро «матата», а у нас здесь в Испании везде и всегда «*матата*»!

Обед закончился почти в шесть вечера.

«Грубиянка я слепая, и немая, и глухая»

Ник открыл дверь аудитории и обалдел. Студенты столпились плотным кольцом вокруг Ниту, который танцевал.

Надо сказать, что в школе учились будущие и даже действующие дипломаты, поэтому дресс-код соблюдался железно: костюм, галстук, а у Ниту к тому же еще и увесистая золотая заколка для галстука с массивным камнем.

Поэтому всё происходящее выглядело гротескно. На парте стоял кассетный магнитофон, из которого звучал вибрирующий голос колумбийской певицы Шакиры: «*Брута, съега, сордо-муда*», – что можно было перевести как «грубиянка я слепая, и немая, и глухая».

Вот под это "*брута, съега*" и танцевал Ниту, крутя по-бразильски задом. Заколка отцепилась от рубашки и сползла почти до кончика галстука, выписывая под музыку ритмичные выражи.

На этом фееричном моменте открылась дверь, и в аудиторию вошёл профессор. Но Шакира продолжала перечислять свои "бесценные" качества: «Я растяпа, хулиганка и упрямая такая». Ниту умудрялся успевать менять положение бёдер буквально под каждое слово, чем вызывал неописуемый восторг своих товарищей.

И тут, наконец, он заметил вошедшего. Зад застыл под углом 45 градусов по отношению к остальному телу. Заколка, казалось, тоже зависла в воздухе.

Профессор подошел к микрофону и с невозмутимым видом произнес:

– В продолжение колумбийской тематики, поговорим о торговом балансе Испании со странами Карибского бассейна. Однако прежде, чем перейти к лекции, не могу не заметить, что в международных отношениях важно не только содержание, но и форма. Вы представляете государство, значит, являетесь его лицом. По вам будут судить о всей вашей стране. И наш друг из Анголы показал сегодня очень симпатичную сторону своей культуры.

Аудитория взорвалась бурными аплодисментами.

¹¹ Проблем (англ. сленг)

¹² Картошка (исп.).

¹³ Никаких проблем (суахили)

Сычужный фермент

Вечером в квартире зазвонил телефон. Ник поднял трубку и услышал знакомое "и-и-и-и-и" вместо здарсьте.

Сквозь душащие её слезы Света наконец сумела выговорить:

– Луис уехал во Францию!

– За сыром? – попытался пошутить Ник, сам не зная, как недалёк он был от истины.

– Нет, к жене!

– Что-о-о????

Знания Ника о многожёнстве ограничивались песней из "Кавказской пленницы". В голове назойливо зазвучало: "Если б я был султан, я б имел трех жен...".

– «И тройной красотой был бы окружён», – нечаянно вырвалось у него.

– Чего??? Ты бредишь? Приезжай ко мне, а то я руки на себя наложу, – пригрозила Света и отключилась.

Но наложила она не на себя, а себе, и не руки, а мороженое, использовав для этого большую тарелку из-под борща. По телевизору показывали классику слезливого жанра – фильм "Касабланка". Хамфри Богарт что-то взволнованно говорил своей возлюбленной. Света нацепила пижаму с Микки Маусами и сидела на диване, размазывая по лицу помаду и тушь. Видимо, именно так, по её мнению, должна была выглядеть страдающая западная женщина.

Ник уже собрался было исполнить роль гей-подружки, вспоминая все подходящие под ситуацию утешения в стиле "все мужчины такие противные", но Света уже немного успокоилась и поведала возмутительную историю предательства, не лишённую однако французского шарма.

Жена Луиса жила в Бургундии, а именно, в местечке Эпуас, знаменитом на весь мир своим вонючим сыром. Сын француза ездил туда часто на собственной машине и объяснял это тем, что сыр Эпуас запрещено перевозить в общественном транспорте и тем более пересылать по почте.

Однако самую непостижимую для русского менталитета новость Света по законам драмы приберегла под конец. Оказалось, что жена Луиса про Свету знала!

Нет-нет, не узнала случайно, а именно знала ещё до Светиной свадьбы в России. По словам многоженца, "в этом не было ничего предосудительного". Поскольку "Франция – страна победившей толерантности", то они с женой с самого начала договорились о так называемых свободных отношениях. Это когда спишь с кем хочешь, а потом возвращаешься в семью и под пледом у телевизора делишься впечатлениями.

Света же, по мнению Луиса, "была ещё скована предрассудками своей дикой страны и не смогла бы в полной мере ощутить ценность абсолютной свободы", поэтому во имя любви он "решил лишней информацией её не расстраивать".

И вправду, госпоже Мармонтель – номер 2 "ценность абсолютной свободы" не была очевидна, и она пообещала при удобном случае засунуть неблаговерному галльского петуха в его французскую задницу. На этой угрозе проктологического терроризма её разговор с супругом и закончился. Однако у Ника возник ещё один вопрос:

– Слушай, а почему он всё тебе рассказал именно сейчас? Ведь мог бы ещё лет десять так за сыром ездить?

– Да зашиблась сучка эта, чёрт бы её побрал во все нетолерантные места, – пояснила Света, окончательно теряя европейский лоск.

– Как так "зашиблась"?!

– На сычужном ферменте поскользнулась. Это жидкость такая для производства сыров. Теперь в коме лежит, корова французская. А он поехал у постели сидеть, дыхание проверять.

Ник уже не мог больше удивляться и тоже присел на диван, уставившись в телевизор. В этот момент Хамфри Богарт произнёс свою коронную фразу: "У нас всегда останется Париж". И Светино пронзительное "и-и-и-и-и-и-и" с новой силой ворвалось в мадридскую ночь.

Женщину бьют!

Ник открыл дверь своим ключом и собрался уже пройти в свою комнату, но остановился как вкопанный. В салоне с огромными кружками пива восседали Ильде и Стив. В принципе, в этом не было ничего необычного: Ильде иногда расслаблялся после работы, а Стив был расслаблен всегда. Но было что-то подозрительное в их кружках. Ник пригляделся: в них плавали маленькие рюмки для водки.

Незатейливый коктейль назывался субмариной, и от него моментально повеяло родиной. Однако вместо щемящей тоски по берёзкам Ника охватила пронизывающая тревога.

Послышался шум сливного бочка, и из туалета вышел сначала живот, а потом и весь Армен собственной персоной.

– А! Похититель шмар, – весело загоготал он, вытирая мокрые руки о льняную рубашку.

Ник рванулся было к входной двери, но на пороге столкнулся нос к носу с бесшеим Пашей. Паша со всего размаху отвесил ему оплеуху, и Ник влетел обратно в салон, опрокинув по дороге несколько стульев. Во рту появился железный привкус крови, а голова загудела, как все заводы Манчестера вместе взятые. Паша схватил его за шкирку и ещё раз швырнул через всю комнату к окну.

Армен плюхнулся на диван и с невозмутимым видом продолжил:

– А я вот тут корешей твоих учу водяру с пивасом бодряжить. Им ништяк. Вишь, как пиндос кайфует?

Стив и вправду распластался на кресле с блаженной улыбкой. Полёты Ника по комнате впечатления на него не произвели: ну, летает себе и летает, мало ли какие у этих русских традиции?

Зато Ильде вытаращил глаза и сидел на стуле, как школьник за партой, держа спину прямо. Не хватало ему только поднять руку и спросить: простите, можно выйти?

– Ты это искал? – Армен бросил в Ника скомканной бумажкой. Синие чернила расплылись от пивных капель, но прочитать всё-таки было можно: «Улица Жозеп Пла, дом ... Тоссаде-Мар».

У Ника похолодело где-то в районе живота, а щеки, наоборот, обдало жаром доменной печи.

– Что с ней? – разлепил он ссохшиеся губы и почувствовал, как струйка крови потекла по подбородку.

– То, что и обещал, – развел руками Армен. – Слово пацана надо держать, да и ребята повеселились. Визжала как хрюшка, – добавил он и самодовольно загоготал. – Но базар не про это. Ты ведь жить хочешь? Если хочешь, то теперь надо...

Однако звук неожиданно пропал. В ушах зашумело, и ярость горячим комком ударила в голову. Ник начал подниматься с пола, опираясь на опрокинутый стул, и неожиданно для себя схватил стул за ножку и ударил с огромной силой по оконному стеклу. В этот удар он вложил всю свою злость. Звук вернулся в уши взрывом разлетающихся осколков. Паша было дёрнулся в сторону Ника, но тот замахнулся ещё раз и начал двигаться с поднятым стулом к Армену, целясь в ненавистную голову.

И вдруг Ильде тонким голосом громко завизжал:

– Женщину бьют, насилие, женщину бьют! Девять Д, квартира девять Д!

Кто-то закричал:

– Полиция, полиция!

Тут Стив вышел из нирваны и тоже заорал:

– Какую женщину?? Где??

У Паши в руках щёлкнуло лезвие выкидного ножа, но в дверь энергично забарабанили.

– Сука! – Армен тяжело поднялся с дивана, коротко бросил Паше "Не сейчас!" и направился к выходу. На пороге стояла разъяренная соседка в домашнем халате. Армен просто оттолкнул ее животом, а Паша ещё и припечатал к стенке.

Силы покинули Ника, и он медленно осел на пол прямо на осколки, даже не чувствуя, как они впиваются в его тело.

– Значит, женщину бьют, да? – спросил он Ильдефонсо, растягивая окровавленные губы в подобии усмешки. Перед глазами всплыл образ Натали, возмущенно морщившей носик: "Ты придурок? У нас здесь вся жизнь, друзья ... Куда я поеду?"

– Я и вправду придурок, – грустно сказал он вслух по-русски. Ильдефонсо вряд ли его понял, но почему-то утвердительно закивал головой.

Эф-Би-Ай

Художественные фильмы наносят огромный вред правильному восприятию правоохранительных органов. Мы часто думаем, что в полиции работают особые люди – эдакая смесь бэтменов и шерлоков холмсов.

Мысль о том, что перед нами обычные госслужащие низкого ранга, прячущие под столом контейнеры с вермишелью и часами воюющие с заедающим степлером, приходит только спустя годы вместе с горьким опытом, а некоторым счастливицам не приходит никогда.

Но Ник до этого не сталкивался с полицейскими, поэтому был ещё полон иллюзий. Процедура составления заявления заняла около двух часов, в течение которых полицейский куда-то постоянно бегал и с кем-то общался по телефону. После этого товарищам по несчастью выдали напечатанный на плохонькой бумаге протокол и показали на дверь.

– Это всё? – удивился Ник.

– А когда нас включают в эту, как её, программу защиты свидетелей? Новый паспорт, имя, квартира, еда? Чего там у вас ещё полагается? – забеспокоился Ильде.

Полицейский аж хрюкнул, но рассмеяться себе не позволил.

– Свидетелей чего? – с издёвкой в голосе поинтересовался он.

– Ну как чего? Босс мафии признался нам в групповом изнасиловании и пригрозил нас убить! – воскликнул Ильде.

– Так. Давайте расставим все точки над "i", – строго сказал полицейский. – Лично вам он вообще ни в чём не признавался, так как по-русски, насколько я понимаю, вы ни бельмеса. Так?

– Ну почему, – обиделся Ильде. – Перестройка, Горбачёв, галаснойст, – запнулся он на последнем слове и замолчал.

– Таким образом, – продолжил полицейский, – все показания получены со слов вот этого молодого человека, – он небрежно махнул в сторону Ника. – Но и они не подтвердились.

– Что? – хором спросили Ильдефонсо с Ником. Стив в это время уже устался на автомат с пивными банками, и его мысли были далеко.

– А то, что мы послали патруль в Тоссу по указанному вами адресу. Там действительно проживает гражданка Елена Сеницына, мать Наталии Маргариты Морено Сеницыной, но, по заявлению матери, её дочь никто не насиловал. И она находится сейчас в турпоходе в Сантьяго¹⁴ с группой студентов университета. А что касается пьяной драки, в результате которой вот этот, – и он опять небрежно показал на Ника, – разбил стекло, мы вашу троицу ещё

¹⁴ Город Сантьяго-де-Компостела на севере Испании, центр паломничества к мощам Святого Иакова.

вызовом, тем более что владелец квартиры, которую вы снимаете, тоже собирается подать заявление, правда, не на «босса мафии», а на вас, голубчиков.

Дверь полицейского участка неожиданно распахнулась, и в неё ввалилась какая-то куча-мала. Здоровенный цыган в разодранной рубашке пытался скинуть с себя полицейского, которого одновременно лупила холщовой сумкой маленькая смуглая бабулька в цветастой одежде. Бабульку, в свою очередь, пытался удержать второй блюстителю порядка, но она ловко уворачивалась и продолжала лупить первого.

– Это позор какой-то! Здесь мы правды не найдем! Надо идти в это, как его, ФБР, – возбуждённо заговорил Ильде, пытаясь увернуться от агрессивной бабульки. Та уже начала награждать ударами всех, кто подворачивался под руку.

– О, да-а-а! Эф-Би-Ай, – радостно заверещал Стив, услышав знакомое слово.

– В Испании нет ФБР, – разочаровал своих товарищей Ник.

– В этой стране ничего нет! – возмущенно воскликнул Ильде. – Нефти нет, газа нет, ФБР и того нет! Зато чокнутых, – он ткнул пальцем в бабульку, которая уже добралась до комиссара и теперь хлестала его сумкой по лысине, – хоть отбавляй!

– Я еду в Тоссу! – решительно заявил Ник. Он ещё не знал, что очень скоро поедет в прямо противоположном направлении.

Настоящий друг

Перед отъездом Ник решил завести к Свете все свои нехитрые пожитки, так как оставлять их в разгромленной квартире было никак невозможно.

Та встретила его с упрёком:

– Ты куда пропал? Не звонишь, на звонки не отвечаешь! Напомню, что у меня сейчас в жизни серьезные проблемы, а настоящие друзья в такие моменты должны приходить на выручку.

Ник упустил тот момент, когда получил почётное звание "настоящего друга", но выяснять это неожиданное повышение в статусе времени не было, поэтому он лаконично пояснил:

– Был на встрече с Арменом, которая прошла в дружеской и непринуждённой обстановке.

– Непринуждённой? – Света наконец обратила внимание на его разбитую губу. – И к чему он тебя "не принуждал"?

Но Ник не ответил. Вместо этого он сразу перешёл к делу:

– Можно, я у тебя чемодан здесь на пару дней оставлю? Мне надо кое-куда отлучиться.

– Тебе действительно надо кое-куда отлучиться, – тоном заботливой мамочки сказала Света. – Например, в школу, а то они звонили и обещали тебя отчислить в связи с постоянными прогулами.

Ник чертыхнулся. Школа как-то выпала из общей картины его "беспроblemной" жизни, но ссориться с "корифеями дипломатии" было никак нельзя, поэтому он решил на часок присоединиться к Ниту и остальным любителям Шакиры.

– Так можно чемодан оставить? Настоящие друзья же должны приходить на выручку? – с улыбкой процитировал он Свету, но она шутливый тон не поддержала:

– Страховку себе сделай! – приказала она тоном, не терпящим возражений.

– Какую? На похороны? – искренне удивился Ник.

– Тьфу, дурак! Медицинскую! А то кто тебя штопать будет после "дружественных" бесед с Арменом?

Ник вздохнул и пошёл собираться в школу.

Западносахарское урегулирование

В школе Ника встретили как Христа на Голгофе: укус, конечно, пить не заставляли, но копы в измученное тело воткнули.

Профессор сразу же вызвал его к себе в кабинет и без обиняков спросил:

– Вам, молодой человек, с нами скучно стало? Женский пол, конечно, интереснее западносахарского урегулирования, но мы тоже заслуживаем немного вашего драгоценного времени, не правда ли?

– Правда, профессор, и здесь очень интересно учиться, только... – Ник запнулся, – мне нужно ещё на два дня уехать, чтобы решить одну очень важную проблему. Это вопрос жизни и смерти.

Профессор аж рот открыл от такой наглости, а когда обрёл дар речи, задумчиво произнес:

– Ну что ж, каждый выбирает свою дорогу, но, как говорят у нас в Галисии, все дороги ведут в Сантьяго. Так что уверен, что мы с вами ещё когда-нибудь встретимся, а пока сходите к секретарю и заберите ваши документы. Вы отчислены!

– Что? Что вы сказали?! – Ник аж подпрыгнул на стуле в радостном возбуждении.

– Что вы отчислены, и похоже, вас это нисколько не опечалило, – удивленно констатировал профессор.

– Нет, нет! До этого! Про Сантьяго! – в голове Ника зазвенел противный голос полицейского, произнесший: "Она в турпоходе в Сантьяго". Воображение моментально нарисовало картину встречи с паломницей Натали у дверей величественного собора Святого Иакова. Она бросится к нему, и он обнимет её крепко-крепко, чтобы никогда уже в жизни не потерять.

Профессор прищурил глаза, как будто пытаясь просверлить дырку в голове непутёвого Ника, и вдруг резко перешёл на «ты»:

– Так! Хватит дурака валять! Что, чёрт возьми, происходит? Быстро выкладывай! – в его голосе прозвучали железные нотки, которые не оставляли сомнения: перед Ником сидел хоть и пожилой, хоть и в гражданской одежде, но самый настоящий офицер, причём очень высокого ранга.

Ник съёжился на своём стуле, тяжело вздохнул и начал максимально кратко, без лишних эмоций излагать события последней недели.

Профессор слушал молча, пожевывая губами и что-то помечая на листочке, а когда рассказ был окончен, опустил голову и задумался. Так прошло несколько минут, потом профессор резко поднял взгляд и как на плацу приказал:

– Пулей отсюда!

– Куда? Документы забирать? – жалобно спросил Ник.

– Западносахарское урегулирование учить, мать твою!

И уже более "гражданским" голосом добавил:

– Я разберусь!

Импортные заморыши

Люди не рождаются бандитами. Бандитов из людей делает слабое государство. Армен был порождением этой слабости России 90-х, поднявшей на пьедестал быдловатую пену воровской романтики.

В Испании органы правопорядка тоже звезд с неба не хватали, но и не скатывались на дно до полного попустительства. Они тупо перемальвали в меру своих скромных возможностей опасные для общества элементы. При этом "порешать вопрос" с блюстителями порядка не представлялось возможным: если попался, то попался.

Армен всего этого не знал, поэтому сидел в придорожном кафе на трассе А-6 в прекрасном расположении духа. Только что его "братки" провели рейдерский захват крупной фабрики

под Ростовом, и это означало как новые доходы, так и значительное расширение возможностей возглавляемой им группировки.

Хотелось праздника, но водка уже надоела. Армену было за 50, и на первое место выходило простое человеческое общение. Тупые шмары иностранного производства этой потребности не удовлетворяли, поэтому, когда в кафе вошли две блондинистых девицы и заговорили между собой по-русски, он не мог поверить своей удаче.

– Эй, девчонки! – радостно заорал он, – не разделите с соотечественником скромную трапезу? Небось, соскучились по реальным пацанам среди этих импортных заморышей?

"Шестерки" плотоядно оскалились и возбуждённо загалдели. Девушки переглянулись и подошли к столику.

– Не вижу здесь реальных пацанов, – безапелляционно заявила одна из них. – Тоже мне, джентльмен. Где цветы? Где шампанское?

– Лен, так он нас с тобой боится! – хохотнула другая. – Смотри, сколько няnek у папика. Если до дела дойдет, будут ему, наверное, в постели помогать. Сам-то уже не справляется.

Армен на "папика" обиделся. Он строго взглянул на "шестёрку" и приказал: "Так, метнулись за букетами и бухлом! Если фуффло привезёте, закопаю!"

Паша занервничал. Ему происходящее явно не нравилось:

– Армен...

Но босс его перебил:

– Что Армен? Что Армен? Ты меня от двух сосок защищать собрался? Или и вправду уже в постели помогать пристроишься?

Пацаны встали и направились к стоящей на парковке машине, а Армен широким жестом пригласил девушек к столу:

– Ну, присаживайтесь, рассказывайте, *чё* вы тут делаете.

– А мы студентки, сейчас в Сантьяго-де-Компостела едем на экскурсию. Эта же дорога ведёт в Сантьяго?

Армен пропустил вопрос мимо ушей.

– Студентки? В каком это, интересно, университете? Шмар, что ли? – и он довольно загоготал в восторге от собственного остроумия.

Вдруг на улице послышался визг тормозов. Машину, в которую только что сели пацаны Армена, блокировали сразу с четырёх сторон полицейские джипы. Из них выскочили люди в форме и грамотно, не попадая друг другу на линию огня, взяли пацанов под прицел.

Армен обернулся к девушкам и увидел перед собой полицейский значок.

– Национальная полиция! На пол! Быстро!

Армен с трудом слез со стула и привычно лёг на живот, заложив руки за голову. Одна из девушек умело завела ему руки за спину и щёлкнула наручниками.

– Что я сделал-то? – спросил он устало.

– Вы подозреваетесь в покушении на убийство гражданина Германии Хельмута Магнуса Кестнера, – отчеканила одна из блондинок.

– Я такого *хендехоха* не знаю, – удивился Армен.

– Знаете, знаете! И его знаете, и его бедную собачку. Вы их обоих с балкона выкинули! Вчера поступило заявление.

– Шавка тоже заявила? – хохотнул Армен. Жизнь научила его не терять расположения духа в любой ситуации. – И с каких это пор русских шмар в испанскую полицию берут?

– С тех пор, как вот такие грубияны начали приезжать! – сказала та, которую называли Леной, и неожиданно мощным для своей комплекции рывком поставила грузного Армена на ноги. – Пойдем, я тебя с "импортными заморышами" познакомлю.

На пороге кафе их уже ждали двое рослых накачанных полицейских, явно красующихся перед своими коллегами-блондинками.

Только в этот момент Армен с тоской осознал, что его испанское путешествие будет не таким коротким и приятным, как ожидалось.

Срываем яблоко – бросаем яблоко

Бывают аресты домашние, а бывают культурно-просветительские. Именно под такой арест попал Ник, которому профессор под угрозой "палец о палец не ударить, чтобы помочь" запретил покидать Мадрид в ближайшие дни.

Как и любому арестанту, Нику полагался надсмотрщик, и на эту роль был назначен "ангольский Шакир". Шакиром Ниту назвал себя сам после истории с танцами. Всем студентам настолько понравилось его новое имя, что старое практически сразу же забылось.

Шакир помахал перед носом Ника двумя билетиками и весело сказал:

– Гони пятьсот песет, пойдем сегодня учиться яблоки рвать!

– Может, лучше бананы? – без всякой задней мысли произнес Ник, однако через секунду до него дошло, что он опять не то «сморозил», и от смущения он окончательно добил свою репутацию: "Ой, извини, я просто бананы больше люблю!"

– Ай, не парься, мой русский Ку-клукс-клан, я тебе твою бледную задницу потом надеру, а сегодня мы идём на фламенко!

– А яблоки тут при чём? – удивился Ник.

– Ну, ты и дремучий! – покачал головой Шакир. – Вот, смотри!

Он картинно поднял руку вверх, вывернул ладонь, как будто срывает яблоко, провел ладонью по губам и резко опустил ее вниз, выбрасывая воображаемый плод. Получилось очень элегантно и похоже на то, что делают на сцене страстные танцовщицы фламенко.

– Ты не Шакир, Ниту! Ты самый настоящий Кармен! – восхищенно воскликнул Ник и попытался повторить движение, но вышло коряво. К тому же, когда он "выбрасывал яблоко", то случайно шлёпнул проходящую мимо студентку из Швеции. Она взвизгнула и совсем недипломатично выругалась.

– Ой, простите, мы тут фламенко танцуем, – покраснел Ник.

– «Калинку» лучше танцуй, медведь сибирский! – прошипела шведка и горделиво удалилась.

Шакир всем телом трясся от смеха:

– Я смотрю, у вас в России тратить время на знакомство с девушкой не принято. Сразу к делу переходите? – едва смог произнести он, постоянно всхлипывая. – Ладно, поехали, нам ещё надо приодеться.

– Как приодеться? – Ник аж рот разинул от удивления.

– Как настоящий *байлаор*¹⁵! Или ты собрался знакомиться с прекрасным в этом офисном чехле? – Шакир поправил лацканы Никиного пиджака.

– Ну что ты! В этом "офисном чехле" я знакомлюсь только с вредными ангольцами, – обиженно сказал Ник, и они направились к метро.

Maty

Через каких-нибудь двадцать минут любители прекрасного вышли из подземки в самом центре Мадрида и стали продираться сквозь толпу подвыпивших английский туристов, облепивших «медведя и земляничное дерево»¹⁶.

¹⁵ Танзор фламенко.

¹⁶ Скульптура в центре Мадрида, которая является символом города.

– А знаешь, почему медведь ягоды с дерева ест? – голосом экскурсовода спросил Шакир. – Они перезрели, и в них образовался алкоголь. Так что мадридский медведь, как и англичане, просто бухает.

В этот момент один из английских туристов, уже забравшихся на медведя, сорвался вниз прямо на своих товарищей. Послышался звон разбитой бутылки, и пиво густой пеной окатило прохожих. Завизжала какая-то девушка. По брусчатке покотился объектив расколоченого вдребезги фотоаппарата.

– Пожалуй, медведь потрезвее будет, – покачал головой Ник, и они пошли дальше прямо по широкой улице, полной магазинчиков для туристов и прилавков с прохладительными напитками.

Однако Шакир неожиданно свернул вправо и уверенно вошёл в помещение через высокую дверь, на которой размашистыми буквами было выведено слово *Maty*.

Сначала Ник подумал, что попал в какой-то дворец: в глаза сразу бросились высокие белые колонны, украшенные в верхней части лепниной. Но для дворца в помещении было слишком много ни на кого не надетых штанов: они лежали на полках, висели на вешалках и даже просто валялись на длинном массивном прилавке.

Штанам составляли компанию длинные цветастые платья в горошек, украшенные рюшами, воланами и оборками. На полках были разложены тысячи подштанников, подвязочек и прочих женских "секретиков", которые Ник про себя сразу же окрестил "мечтой фетишиста".

Шакир схватил с полки широкую полосу красной ткани и стал обматывать ее вокруг пояса.

– Что это? – удивленно спросил Ник.

– Красный маркер. Помечаю на теле место, где надо худеть, – деловито пояснил анголец и взялся за ботинок на высоком каблуке, в который была вбита добрая дюжина гвоздей.

– Хорошо, что тут пол из плитки, не поцарапаешь, – со знанием дела сказал Ник. Он вспомнил школьную "сменку" и строго завуча, заставлявшего учеников мелкой наждачкой полировать испорченный пол.

– Ну, ты и вправду дремучий, – покачал головой Шакир. – Это же очень плохо, что здесь пол из плитки, не попробуешь!

И словно по мановению волшебной палочки появилась продавщица с довольно широкой деревянной доской. Шакир радостно сказал "спасибо", встал на доску и неожиданно выбил такую лихую чечётку, что у Ника зазвенело в ушах. Анголец совместил её с движением "срываем яблоко-бросаем яблоко", а напоследок подпрыгнул и крутанулся в воздухе на 360 градусов.

Продавщица выронила из рук какой-то очень хитрый бюстгальтер, который она пыталась засунуть в целлофановый пакетик, и уставилась на Шакира с открытым ртом.

На самом деле было чему удивляться: за полвека существования магазина *Maty* в нем побывало много танцоров фламенко, много акробатов и немало туристов из Африки, но чтобы всё это было в одном лице – такое случалось, прямо скажем, нечасто, и даже, возможно, не случалось никогда.

Этническая неразбериха

У клуба фламенко с оригинальным названием "Фламенко" уже толпились иностранные туристы, хотя местный маркетинг клиентоориентированностью не отличался: на стене был нарисован смуглый *байлаор* и написана по-испански чья-то длинная цитата про страсть, любовь и страдания, а также короткая фраза по-английски "*Tickets here*"¹⁷.

¹⁷ Продажа билетов (англ.).

С языком Сервантеса никто из зрителей знаком не был, но в кассу образовалась длинная очередь. Шорты, шлепанцы, льняные рубашки с пальмами. Ни одного красного пояса или каблука с гвоздями!!!

Шакир понял вопросительный взгляд Ника и презрительно произнёс сквозь зубы: "Туристы!" Из уст ангольца это прозвучало по меньшей мере комично.

Друзья приготовили билеты, но они неожиданно не понадобились: какая-то очень нервная девушка с надписью "Production"¹⁸ на футболке схватила Ника за руку и потянула вглубь помещения.

"Какого чёрта вы опаздываете?" – вместо "здравствуйте" прошипела она. Потом перевела взгляд на Шакира и всплеснула руками: "Я просила немного потемнее! Не-мно-го!!! В прошлый раз шведа прислали! Пришлось его тональным кремом мазать! А этого чем я мазать буду, чтобы он на *байлаора* был похож? Канцелярским корректором, что ли?"

Оправившись от удивления, Ник наконец осознал, что происходит чудовищное недоразумение, и открыл было рот, чтобы всё незамедлительно прояснить, но неожиданно получил мощный удар локтем в бок. Он повернулся к Шакиру. У того в глазах мелькали дьявольские искорки.

– Не-е-ет! Нет! Ты...ты...этого не сделаешь! – изумлённо воскликнул Ник, поняв без всяких слов план коварного ангольца.

– Что "не сделаешь"? – удивленно спросила нервная девушка из Production.

– Мой друг хочет сказать, что я не выйду на сцену без его ритмического сопровождения, – спокойно пояснил Шакир, пока возмущенный Ник безуспешно пытался выдохнуть заполнивший лёгкие воздух. – Дайте ему, пожалуйста, *кахон*¹⁹.

Production ещё больше разволновалась:

– Вообще-то музыкальная группа у нас сформирована. Ребята и так нервничают из-за того, что им в последний момент прислали другого *байлаора*. Могут просто отказаться играть.

– А не надо никого расформировывать. Пусть себе играют. Просто второй *кахон* дайте, и всё! – с обворожительной улыбкой сказал Шакир и потащил упирающегося Ника в гримёрку. – Нам с коллегой надо провести небольшое творческое совещание, – пояснил он остолбеневшей от такой наглости Production и захлопнул дверь у неё перед носом.

В гримёрке Ника прорвало:

– Ты совсем, твою ангольскую мать, рехнулся? Я не умею танцевать фламенко! Я не знаю ни одного произведения фламенко! Я понятия не имею, что такое "*кахон*"!

– Успокойся и послушай меня! – приобнял его Шакир. – В этом ничего сложного нет! Ты когда-нибудь в дверь туалета стучал, когда очень хочется, но занято? Ну, вот здесь то же самое, только ритмично. Постучишь полчаса в ящик, получим деньги и уйдём.

– Я тебе сейчас по дурной башке постучу, – не унимался Ник. – Если хочешь позориться – позорься, но меня избавь от этого цирка!

– Послушай! Я долго о таком мечтал, даже ходил на курсы фламенко. Другой такой возможности у меня не будет никогда! Без тебя меня не выпустят на сцену. Помоги мне, а я помогу тебе: расскажу потом кое-что про путь Святого Иакова, чего ты не знаешь!

– Святого Иакова? Путь Сантьяго? – до Ника дошло не сразу, но когда дошло, он возбуждённо схватил Шакира за рукав.

– Откуда ты, чёрт возьми, это зна... – но договорить Ник не успел: в этот момент, буквально срывая дверь с петель, в комнату ворвалась Production с большим черным ящиком.

– Вот! Достали! Держи! – и она с видом Санта-Клауса всучила Нику *кахон*. – Вы будете восходящими звёздами кубинского фламенко!

¹⁸ Постановщик (англ.).

¹⁹ Используемый во фламенко ударный музыкальный инструмент в виде деревянного ящика.

– Какого фламенко? – Ник второй раз за вечер заглотнул от удивления такую порцию воздуха, что стал похож на тетерева во время брачных танцев. – Я не похож на кубинца!

– Ты похож на поляка, а они с кубинцами заодно! Все вы там ...эти...придавленные железным занавесом, – хохотнула Production.

– Я вообще-то тоже не похож на кубинца. Я из Африки, – с безучастным видом сказал Шакир. Он уже понимал, что при таких глубоких познаниях в области этнических различий спорить бесполезно.

– Вы партсобрание там у себя в СССРе устраивайте! А здесь *мани-мани* и *инеля-инеля*²⁰! – отрезала Production. – Так что стройной коммунистической колонной марш на сцену!

И группа направилась к зрителям, которым для погружения в испанскую культуру уже раздали бутылки благородной «*риохи*»²¹, предварительно наполненные местным вином из пакетиков.

Шоу обещало быть грандиозным. Казалось, что нарисованный на стене смуглый *байлаор* потихоньку белел от ужаса.

Пионеры и "Оле!"

Дамы и господа! Встречайте! Восходящие звёзды кубинского фламенко! Проездом из Гаваны в Биробиджан! Только один вечер в Мадриде! – объявил хорошо поставленный голос из развешенных по стенам динамиков.

Занавес клубной сцены со скрипом отъехал куда-то вбок. В зале неожиданно воцарилось гробовое молчание, и было от чего: посреди сцены, высоко задрав руки вверх, стоял огромный негр в красной повязке и ослепительно улыбался. Рядом с ним расположился тщедушный юнец с вытаращенными от ужаса глазами. На вытянутых, побелевших от напряжения руках он держал большой деревянный ящик.

Музыканты, которым "солистов" представили тридцать секунд назад, смотрели на Ника и Шакира точно так же, как и зрители, то есть с нескрываемым изумлением, только из глубины сцены.

"Ай-ай-ай-ай-ай", – вдруг протяжно заголосил Шакир и громко топнул несколько раз каблуками по деревянной сцене. Ник от неожиданности выронил ящик, и тот упал на пол, вибрируя глубоким звуком.

"Стучи!" – скривив в сторону рот, прошипел Шакир. Ник взмахнул руками и ни с того ни с сего начал, как на пионерской линейке, отбивать строевой ритм: "трам-пам-пам-пам-пам, трам-пам-пам-пам-пам".

Под такой ритм "срывать и бросать" яблоки можно было только судорожными движениями. Шакир поочередно поднимал и опускал то правую, то левую руку, но это было больше похоже на танец неуклюжего робота из "Звездных войн", чем на фламенко.

Музыканты начали пытаться подыгрывать, но сбить Ника с ритма у них уже не получилось. В результате на сцене образовалось что-то наподобие оркестра юных пионеров с цыганским уклоном.

Шакир окончательно утратил позу гордой Кармен и стал маршировать вокруг Ника, ритмично размахивая руками.

Кому-то наконец пришлось в голову нажать кнопку, и занавес поехал обратно, скрывая от публики творящийся на сцене акт культурного терроризма.

²⁰ Быстро-быстро (искаженный нем.)

²¹ Регион в Испании, знаменитый своими благородными винами, а также общее название для вин, произведенных в регионе.

Зрители продолжали сидеть с бокалами, не зная, как реагировать. Вдруг из самого удаленного угла кто-то свистнул. Инициативу поддержали, и вскоре весь зал засвистел в едином порыве. На сцену полетели скомканные салфетки, корки хлеба с VIP-столиков и даже кусок недоеденного хамона.

Когда публика немного успокоилась и уже собралась уходить, из-за занавеса высунулась большая круглая голова Шакира. Голова неестественным для своих размеров писклявым голосом выкрикнула: "Оле!" Это важное дополнение к и без того "грандиозному" шоу вызвало новую бурю негодования. Ломтик жирного хамона всё-таки достиг своей цели и медленно сполз по лоснящемуся от пота лицу ангольца.

Свист стал ещё более пронзительным и, казалось, длился целую вечность – как дорога из Гаваны в Биробиджан.

«Господь же да управит сердца ваши...»

Ник сидел в маленьком дешёвом кафе, прикладывая мешочек со льдом к покрасневшему уху. У Production оказалась удивительно тяжелая рука, и Ник с грустью подумал, что за последнюю неделю он получил по физиономии больше раз, чем за всю предыдущую жизнь.

Шакир, наоборот, был в приподнятом настроении. Казалось, что он в любой ситуации находит что-то положительное.

– Про нас напишут в газетах! Это может стать началом блестящей карьеры! Работа нам обеспечена! – восклицал он дрожащим от возбуждения голосом.

– Это точно, – тяжело вздохнул Ник, – работа в Биробиджане: местному зоопарку срочно требуются танцующие шимпанзе.

– Ну, вот опять ты со своими расистскими шуточками, – обиделся Шакир. – А я, между прочим, хотел поговорить с тобой на серьезную религиозную тему.

– Нет, спасибо, я вуду не увлекаюсь, – замотал головой Ник.

– Дурак! В нашей стране верующих христиан больше, чем в Испании, и как любой истинно верующий, я хорошо знаком с дорогой Святого Иакова, – подмигнул Шакир, загадочно улыбаясь.

– Так, – Ник схватил ангольца за рукав, – давай колись, откуда ты знаешь про то, что меня интересует дорога Сантьяго?

– «Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово», – с важным видом процитировал Библию Шакир. – Твоя пассия, между прочим, семь дней по пыльной тропе ноги в кровь стирает, а ты семь секунд потерпеть не можешь!

– Колись, проповедник хренов! А то я сейчас твою ангольскую задницу на британский флаг порву! – заорал Ник.

– Спокойно, спокойно! Лучше бы ты таким страстным час назад был, а то заладил как деревянный: "трам-пам-пам-пам-пам, трам-пам-пам-пам-пам", – Шакир высвободил свой рукав из пальцев Ника. – Ну, слышал я разговор нашего профессора, когда он меня вызывал по твою душу. Профессор кому-то по телефону сказал, что ты ищешь свою "очень-очень" хорошую знакомую, что твоего лучшего друга Армандо задержали и что группа каталонских паломников вышла в прошлое воскресенье из Сарии.

– Какого Армандо? Какой Сарии? – Ник схватил Шакира за красный пояс, и материя протестующе затрещала. Сидящая за соседним столиком девушка либерально-баррикадного вида с сережкой в носу строго сказала Нику: "Молодой человек, не обижайте иммигранта!" Но увлечённые разговором друзья не обратили на неё никакого внимания.

– Кто такой Армандо, я не знаю, но Сария – это отправная точка одного из самых известных паломнических маршрутов в Сантьяго, – пояснил анголец. – Маршрут рассчитан всего на семь дней, так что через два дня твоя "очень-очень" хорошая знакомая войдёт в Святую

дверь, если, конечно, полностью не сотрётся в пыль по дороге, – и он хохотнул, довольный собственной шуткой.

– Какую ещё Святую дверь? – вскочил Ник, с силой потянув красную тряпку на себя.

Шакир тоже вскочил, пытаясь высвободиться из его цепких пальцев.

– Святую дверь Кафедрального собора Святого Иакова города Сантьяго-де-Компостела!

В этот момент красный пояс не выдержал и с треском разорвался. Концертные штаны Шакира сползли вниз, и перед носом защитницы иммигрантов возник мощный чёрный зад.

– А-а-а-а-а! – испуганно заверещала она.

– Простите, сеньорита! – смутился анголец. Он судорожно пытался зачехлить обратно своё "богатство".

Вот уже второе место за последний час друзьям пришлось покидать в страшной спешке.

Дружба народов

Суббота – ужасный день для путешествий, а если вы к тому же путешествуете без комфорта, то лучше сразу приготовьте одеколон и таблетку снотворного.

Автовокзал Мадрида по разношёрстности публики был похож на ООН в день пленарного заседания: среди бородатых индусов в оранжевых тюрбанах бегали маленькие безбородые китайцы, африканские торговцы соревновались с арабами размерами скарба, а веселые итальянцы пытались перекричать британцев навеселе.

Настоящим нацменьшинством во всей этой людской массе были испанцы, которые просто растворились среди хиджабов и дастаров²².

Ник едва продрался сквозь шумную толпу к автобусу, получив сразу два сильных удара: один по ноге, а другой по своим детским представлениям о цивилизованной Европе. Но едва он обессиленно плюхнулся на своё место у окошка и собрался поспать, как услышал за спиной грудной женский голос: "*Карьньо, карьньо*"²³! Скомканые гласные безошибочно выдавали в обладательнице голоса соотечественницу.

Ник обернулся. Дородная тётка лет сорока звала тщедушного испанского мужичонку, который пробирался по проходу автобуса к своей необъятной пассии. Когда он сел в кресло, его голова оказалась на уровне двух монументальных грудей, каждая из которых значительно превышала эту голову по размерам.

– *Ты где терять себя?* – затараторила тётка как бы по-испански, покрасневшись от жары и волнения. – *Я звонить весь вокзал, потом кончить в автобус!*

– Добежать, дорогая, добежать до автобуса, а не кончить, – испанец явно понимал соотечественницу Ника лучше, чем сам Ник.

Женщина немного успокоилась и начала копошиться в большой холщовой сумке, которую держала на коленях. На откидном столике появились заботливо завернутая в фольгу курица и пластиковая бутылка с красной жидкостью.

– *Кушай свой петушок и пей этот, как его...*, – соотечественница явно не знала испанского слова, поэтому произнесла по-русски "ком-по-тик" и ткнула в бутылку толстым пальцем, чтобы испанец понял, про что она.

Ник настолько был погружен в свои переживания, что одна мысль о еде вызывала тошноту. Он отвернулся к окну. Автобус стал выезжать с территории вокзала, и вдруг водитель резко ударил по тормозам: темнокожий гость столицы перебежал дорогу на красный свет, таща на спине огромный мешок. Мешок выпал из рук, и по асфальту рассыпались все богатства Парижа: «Диор», «Эрмес», «Луи Витон» и прочие "шанели".

²² Обязательный головной убор сикхов в форме тюрбана.

²³ Дорогой (исковерканный испанский).

– *Карыньо!* – истошно завопила соотечественница. "Компотик" выплеснулся ей в лицо и теперь стекал тонкой струйкой прямо в декольте. Мужичок схватил салфетки и стал круговыми движениями обтирать необъятные прелести возлюбленной.

– Бесстыдник! – взвизгнула по-русски соотечественница, но "карыньо" продолжал наяривать, как будто хотел протереть в ней дыру.

– Хам, – чуть менее уверенно произнесла тётка, и на её лице промелькнуло подобие улыбки. – Хам, хамушка..., шалунишка, – с игривым видом промурлыкала она и, неожиданно схватив маленькую голову испанца, поцеловала его прямо в губы, чуть не оторвав при этом мощными руками его уши. Курица шмякнулась на пол, забрызгав всё вокруг пахучим соком, но "дружба народов" уже перешла в страсть, поэтому влюбленные не обратили на эту мелочь никакого внимания.

Ник заглотнул таблетку снотворного, протёр одеколоном обрызганные курицей штаны и свернулся на сиденье калачиком.

Путешествие в богоугодное место начиналось под совсем не богоугодные звуки.

Нежность

Площадь перед собором в Сантьяго была похожа на лужайку для пикника, только вместо зелёной травки многочисленные паломники сидели на каменной брусчатке. Кто-то ел испанский бутерброд, то есть целый батон хлеба с хамоном в качестве начинки, кто-то танцевал под звуки волынки, а кто-то просто лежал без движения, раскинув истерзанные долгой дорогой ноги.

В полном диссонансе с паломниками у хостела "Два католических короля" толпилась шикарно одетая публика: женщины в вечерних платьях со сверкающими в лучах вечернего солнца драгоценностями, мужчины в строгих костюмах с чопорно торчащими из нагрудных карманов платочками. У Ника слово "хостел" ассоциировалось с низкосортной ночлежкой, и он даже представить себе не мог, что заведение "Два католических короля" является одним из самых шикарных и дорогих отелей не только в Сантьяго, но и во всей Галисии.

Порывистый ветер несколько раз менял направление, и Ника обдавало то благоуханием французских духов, то вонью нестираных носков. В этом была неповторимая эклектика старинного города, сотканного из богато украшенных церквей и полуразрушенных домов, из лоска высшего класса и мозолей тысяч странников – в общем, из всех тех противоречий, которые одним словом называются "жизнь".

Ник вошёл в собор и почти автоматически перекрестился тремя пальцами справа налево. Ему пришло в голову, что в католическом храме надо креститься, наверное, как-то по-другому, но он увидел рядом французского туриста, выписывающего в воздухе кресты фотоаппаратом в поисках удачного ракурса, и сразу успокоился.

Величественный алтарь поражал своей роскошью и убранством, но какое-то странное движение позади центральной фигуры Святого Иакова привлекло внимание Ника. На плечах Сантьяго²⁴ то появлялись, то исчезали чьи-то руки, причём все время разные, в том числе с ярко накрашенными женскими коготками.

Ник мало что понимал в устройстве храмов, но, по его представлениям, женщин внутри алтаря не должно было быть просто по определению, а к святым если и разрешалось прикасаться, то только к краешку одежды и только после того, как ты прополз предварительно километр на коленях.

²⁴ Сантьяго (исп.) – то же, что Святой Иаков.

Каково же было удивление Ника, когда он увидел большую красочную табличку с лаконичным призывом: "Сходи обними Апостола!". "Ага, и подёргай Бога за бороду", – сразу же пришло Нику в голову, но он устыдился собственных мыслей.

Путь к фигурке святого лежал через крипту. Ник согнулся в три погибели, чтобы не удариться головой о низкий потолок, и, осторожно ступая по каменной лестнице, спустился в подземелье.

Здесь не было золота и роскоши, полированного мрамора и затейливой резьбы – просто решетка и серебряный ковчег с мощами святого. Ник поднялся на одну ступеньку, прислонился лицом к ограждению, отделявшему ковчег от остального помещения, и вдруг почувствовал что-то очень необычное: по всему телу разлилось приятное тепло и какое-то удивительное неземное спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.